

**Как Дела?
Событие Недели
В неоправданном долгу****Номер 017 от 03-05-
2000
Полоса 011**

"Большая часть внешнего долга СССР, унаследованного Россией, накоплена людьми, которые брали займы не с большей предусмотрительностью, чем пьяный инженер, который "стреляет" у приятеля трешку до получки. Это было хуже, чем злой умысел, это была некомпетентность". Так считает директор Института финансовых исследований Андрей Вавилов, работавший раньше первым заместителем министра финансов России и курировавший вопросы внешнего долга с 1992-го по 1997 год.

На власть Советов

Советский Союз начал набирать долги с конца 70-х, и эти долги были типичным следствием плановой системы хозяйства. К концу хрущевской эпохи хозяйство СССР ощутимо перестроилось. Если при Сталине главные ресурсы для экономического роста мы получали, грабя собственное население, то при Брежневе стали их получать за счет нефти и газа. Мы экспортировали нефть и газ по высоким ценам на Запад, а в обмен закупали зерно, оборудование и товары. Потом цены на нефть упали, а заложенные в пятилетнем плане объемы закупок остались. В нормальной экономике падение доходов привело бы к урезанию расходов. В социалистической продолжали выполнять план и для этого стали брать в долг. В результате к середине 80-х, когда к власти пришел Горбачев, госдолг СССР составлял \$35 млрд, а значительная часть оборудования, закупленного на эти деньги, до сих пор гниет под кустами в каком-нибудь Усть-Пинюжинске.

За следующие пять лет этот долг возрос вдвое, превысив \$70 млрд. Рос он все по той же причине: правительство Горбачева продолжало выполнять план по закупке импортного оборудования, товаров и продовольствия. Из общей суммы долга \$40 млрд приходится на долги России различным государствам, то есть Парижскому клубу, а \$32 млрд — на долги западным коммерческим банкам, то есть Лондонскому клубу. Кроме того, в конце 80-х годов у России образовалось около \$15-20 млрд задолженности перед странами—членами СЭВ. При этом большую часть этих денег просто положили себе в карман различные СП.

В конце 80-х годов Николай Рыжков разрешил обменивать переводной рубль на конвертируемую валюту. В результате получилось вот что. Совместное советско-болгарское или советско-польское предприятие покупало где-нибудь в Гонконге компьютер за \$1000, продавало его в России за 20 тыс. рублей, конвертировало эти деньги в переводные рубли по курсу 1:1 и помещало на счет в Болгарии. После этого, согласно указаниям Рыжкова, эти переводные рубли менялись на доллары по курсу 1:1,67. Проблема в том, что частью всей нехитрой операции был болгарский ЦБ, который записывал эти переводные рубли как долг СССР перед Болгарией. К концу подобных экспериментов мы были должны Польше около \$8 млрд, Чехии — \$5 млрд, Венгрии — \$3 млрд, Восточной Германии — около \$8 млрд.

Сейчас эти долги после ожесточенной торговли сокращены до нескольких миллиардов долларов. Немцы, например, закрыли глаза на свой долг в обмен на вывод войск. С Польшей мы отчаянно торговались, доказывая, что сами вложили в нее не менее \$8 млрд, и в конце концов вышли на нулевой вариант. И в результате этих операций страны, в которые мы вкладывали огромные деньги, вдруг оказались нам ничего не должны.

На 1 января 1992 года советские долги составили \$98 млрд. А так как никакой координированной политики по заимствованиям не было, доля краткосрочного долга в общем объеме оказалась очень большой. В 1992-1993 годах с нас причиталось по этим кредитам \$20 млрд, в 1994-м — \$13 млрд. Выплатить их было невозможно. "Трешек до получки" набрали слишком много, и вот тогда 19 ноября 1991 года был объявлен дефолт по долгам СССР. Соответственно, в дефолте по ним оказалась и Россия как

наследник всех активов и долгов СССР.

Прощай, оружие!

Как известно, СССР не только брал в долг, но и давал. До 1997 года, пока мы не вступили в Парижский клуб, нам были должны по курсу Госбанка СССР (0,63 руб./\$) \$150 млрд. Проблем с этой задолженностью две. Во-первых, большая ее часть приходилась на авторитарные страны с низкой платежеспособностью: \$26 млрд нам была должна Куба, \$7 млрд — Ирак, \$5 млрд — Ливия. Во-вторых, большая часть этих долгов — деньги за оружие. А поставки оружия не всегда оформлялись договорами. Как правило, было так: где-то начинают стрелять, мы в авральном порядке грузим туда оружие. Иногда впоследствии это оформлялось реальными соглашениями, порой переговоры об этом тянулись годами. В результате многие из этих долгов после кончины СССР остались непризнанными.

А те, что были признаны, после нашего вступления в Парижский клуб были реструктурированы и частично списаны. Списывалось от 35% гражданских кредитов платежеспособным странам и до 80% военных кредитов слаборазвитым. В итоге долги перед Россией со \$150 млрд уменьшились до \$50 млрд.

Впрочем, по долгам, составляющим эту сумму, как правило, никто не платит. В основном они приходятся на слаборазвитые страны, и, как только такая страна приезжает на саммит Парижского клуба, ее долги реструктурируют еще раз. Стандартные условия реструктуризации таковы: две трети списывается, остальное выплачивается в срок от 15 до 25 лет по ставке 5-6% годовых. Так что реально мы можем рассчитывать не на \$50 млрд, а на \$16-17 млрд в течение 20 лет. Это все, на что мы можем претендовать взамен многомиллиардных дорогостоящих поставок оружия, которые мы осуществляли Ираку, Ирану, Кубе, Анголе десятки лет.

Связанные по "ногам"

Несмотря на дефолт по советским долгам, Россия и после 1991 года кое-что продолжала платить Западу. Платили по евробондам, которые выпустил ВЭБ. Еще совершали обязательные платежи по кредитным линиям за поставки зерна. Дело в том, что зерно приходило в основном из США, а там такой закон: если страна прекращает обслуживать кредит, ExImBank США должен публично объявить, что страна в дефолте, и прекратить всякие поставки по этому кредиту. Разумной политикой это назвать трудно — любой связанный кредит предполагает, что Россия в конечном итоге потратит свои бюджетные деньги на закупку иностранных товаров, поддержав чужого производителя.

Впрочем, помимо связанных кредитов, ухидивших на покупку ненужного американцам зерна или столь же ненужного европейцам стирального порошка, случались и более странные вещи, как, например, соглашение со швейцарской фирмой Нога, которая предоставляла нам кредит, на который сама же закупала продовольствие и товары народного потребления, а мы в ответ расплачивались нефтью. Обычно учет кредита ведут два банка: банк кредитора и банк заемщика. Однако в случае с Нога межбанковского соглашения не было, учет вела сама фирма. В результате, как официант в ресторане, она постоянно ошибалась в свою пользу. И это несмотря на то, что комиссионные главы фирмы Нессима Гаона официально составляли 33%. К тому же Гаон застраховал все поставки на \$40 млн в неизвестной офшорной компании и потребовал от России возместить эти расходы.

Кончилось дело тем, что Гаон предъявил России претензии на \$800 млн. Дело было в 1993 году. Я как раз только что стал заместителем министра финансов и поначалу был искренне уверен, что эти деньги действительно причитаются к уплате: соглашения-то подписывали вице-премьеры правительства. Мы стали договариваться о реструктуризации долга, а нам в ответ — предлагать взятки. Мы взяли и стали проверять все поставки, позвали на помощь аудиторов, таможен, контрольно-ревизионное управление Минфина. Вышло, что не мы Гаону должны \$800 млн, а он нам \$100 млн. Таких наглых кредитов, как с Нога, больше не было, но глупые были.

Окно в Европу

В 1996 году произошло событие, которое могло стать поворотным в кредитной истории России,— мы вышли на рынок еврооблигаций. Впервые с 1917 года заняли деньги не с бору по сосенке, не под абы какой процент, не под обещания реформ. Мы одолжили их на рынке у частных инвесторов. Дело было так.

Сразу после выборов, 5 июля 1996 года, я собрал сотрудников и поставил задачу — получить рейтинг и выйти на рынок еврооблигаций. Степень финансового невежества даже высшего руководства страны тогда была просто поразительной. Анатолию Чубайсу, бывшему в то время главой администрации президента, пришлось минут

пятнадцать объяснять, что такое рейтинг и почему его надо получить, как его используют инвесторы на рынках, чтобы определять структуру портфелей. На Черномырдина ушло примерно столько же времени. Только Лившиц, бывший тогда министром финансов, хорошо знал, что это такое.

За два месяца мы получили от трех международных агентств неплохие рейтинги — ВВ и ВВ+. А в ноябре выпустили облигаций на \$1 млрд под 9,25% годовых. В принципе, если бы все было нормально, эти проценты должны были бы снижаться, а рейтинг расти. У нас были все условия: на выборах мы победили, ставки снизили. Надо было переходить к решению главных проблем: увеличению валютных резервов, уменьшению государственного долга. Однако вместо этого мы на высшем уровне занялись разделом собственности — в стране началась драка за "Связьинвест", за "Роснефть".

В этой ситуации было не до валютных резервов. Макроэкономическую политику диктовали не корыстные даже, а просто карьерные соображения. К примеру, очень часто говорят о том, что высокий (а стало быть, невыгодный для российской промышленности) курс рубля поддерживался Центробанком только потому, что это было выгодно коммерческим банкам, которые брали на Западе кредиты в валюте, вкладывали их в рубли в госбумаги и немедленно бы рухнули при падении курса рубля.

Увы, действительные мотивы ЦБ были еще приземленнее. На самом деле Сергей Дубинин просто панически боялся очередного "черного вторника". Он помнил, что за падение курса рубля в 1994 году его вышибли из Минфина. И эти неизгладимые воспоминания диктовали макроэкономическую политику, которая лишала российских экспортеров половины выручки, а тех, кто работал на внутреннем рынке, ставила в неравные условия с продавцами импортных товаров. Ведь, искусственно завышая курс рубля, правительство фактически субсидировало импортеров.

В результате мы получили то, к чему все это время шли, — дефолт в августе 1998 года. Потому что если корабль плывет по морю и им никто не управляет, если капитан считает ворон на мостике, его помощник дрыхнет пьяный, а наиболее сознательную часть команды составляют те, кто потихоньку ворует в трюме, то рано или поздно этот корабль обязательно налетит на рифы.

"ПОСТАВКИ ОРУЖИЯ НЕ ВСЕГДА ОФОРМЛЯЛИСЬ ДОГОВОРАМИ. КАК ПРАВИЛО, БЫЛО ТАК: ГДЕ-ТО НАЧИНАЛИ СТРЕЛЯТЬ, И МЫ В АВРАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ГРУЗИЛИ ТУДА ОРУЖИЕ"

"ЧУБАЙСУ МИНУТ ПЯТНАДЦАТЬ ПРИШЛОСЬ ОБЪЯСНЯТЬ, ЧТО ТАКОЕ РЕЙТИНГ И ПОЧЕМУ ЕГО НАДО ПОЛУЧИТЬ. НА ЧЕРНОМЫРДИНА УШЛО ПРИМЕРНО СТОЛЬКО ЖЕ ВРЕМЕНИ"